

ГЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ПЕДАГОГИКИ¹

13 марта исполнилось 132 года со дня рождения классика отечественной и мировой педагогики Антона Семёновича Макаренко

Антон Семёнович Макаренко — человек, чьё имя составляет славу великой советской цивилизации. Его вклад в советскую культуру и культуру мира сравним с вкладом Горького, Шолохова, Королёва, Эйзенштейна, Жукова, Шостаковича. В 1988 году по решению ЮНЕСКО весь просвещённый мир отмечал сто лет со дня его рождения. До середины 50-х годов минувшего века макаренковская педагогика высоко оценивалась в советском обществе, находила себе применение в школах и семейном воспитании. Но уже в конце пятидесятых, в особенности в шестидесятые годы, начиная с пресловутой «оттепели», о ней всё реже и реже вспоминают на педагогическом Олимпе — в Академии педагогических наук СССР. Ритуальная дань уважения имени Макаренко в его юбилейные годы, конечно же, отдавалась, но его педагогическое наследие на долгие годы было предано забвению. Почему это случилось и к каким печальным последствиям привело в воспитании подрастающего поколения в СССР — на данные вопросы попытаемся ответить в настоящей очерке.

История коммуны дзержинцев в самом сжатом виде

Но прежде хотя бы вкратце скажем о педагогическом наследии А.С. Макаренко. Старшее поколение судит о нём по его знаменитой книге «Педагогическая поэма». Молодые же вряд ли знают его имя. Поскольку вершин своей воспитательной работы Антон Семёнович достиг в Коммуне имени Ф.Э. Дзержинского, которой он руководил с 1927 по 1937 год, то вполне оправданным будет представить современным читателям главные итоги жизни и деятельности коммунарского коллектива за эти десять лет. О них Макаренко написал в статье «Такова наша история». Дадим извлечение из неё с небольшими комментариями.

«В 1927 году на заседании коллегии ГПУ УССР было решено увековечить память тов. Ф.Э. Дзержинского открытием в Харьковском лесопарке детской коммуны его имени». Под детской коммуной понималась коммуна беспризорных детей, взятых прямо с улицы. Первые два года коммуна жила за счёт добровольных отчислений из зарплаты украинских чекистов. Педакадемия не признала очевидных поразительных успехов воспитательной системы А.С. Макаренко в Колонии имени А.М. Горького. О её жизни прекрасно написано в «Педагогической поэме», получившей высокую оценку Горького и советских читателей. Макаренко был снят с заведования колонией. Но чекисты по достоинству оценили его новаторство и предложили ему роль заведующего Коммуной имени

¹ Гений советской педагогики // Правда. — 2018. — № 24 (30667).

Ф.Э. Дзержинского, куда он прибыл в октябре 1927 года вскоре после прощания с Колонией имени Горького. Прощания как такового не было. Это Горький, посетивший колонию, прощался с колонистами, а для Макаренко то был последний день его работы в колонии, о чём он ни слова не сказал ни Алексею Максимовичу, ни колонистам.

В коммуны Антон Семёнович приехал с 60 колонистами-горьковцами. Вскоре прибыли «новобранцы» коммуны: 40 беспризорных, подобранных с улицы. К 1937 г. коммунарский коллектив насчитывал 500 человек в возрасте от 10 до 20 лет (400 юношей и подростков и 100 девушек). То, что было создано трудом коммунаров, и сегодня поражает воображение.

Читаем: «В декабре 1929 года в коммуны организован пошивочный цех и расширены деревообделочные цехи... Введение зарплаты для коммунаров повысило ответственность за работу и производительность труда. С этого момента коммуна переходит на полную самокупаемость. В результате роста производительности труда в коммуны появляются денежные накопления, что дало возможность значительно расширить цехи деревообделочной мастерской. Коммуна стала выбрасывать на рынок тысячи стульев, чертёжных столов и др. Ежедневный выпуск продукции достиг суммы 3000 рублей».

По тем временам это были большие деньги. На что же в первую очередь они тратились? На повышение общей и профессиональной культуры, что требовало немалых расходов: «В сентябре 1930 года состоялось торжественное открытие рабфака. Это был чрезвычайно важный шаг вперёд, который открывал большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства».

Заметим, что именно производственное воспитание, а не просто трудовое воспитание в учебных мастерских, вне большого и сложного производства, явилось стержнем педагогической системы Макаренко. Об этом речь пойдёт впереди. А здесь отметим: рабфак был открыт при Харьковском машиностроительном институте. Коммуна оплачивала труд преподавателей рабфака, среди которых были доценты и профессора.

В 1932 году рабфак коммуны преобразовывается в техникум с двумя отделениями: электромеханическим и оптико-механическим. Почти половина коммунаров, учащихся рабфака, ушла на учёбу в вузы и втузы! А в 1934 г. при Коммуны имени Ф.Э. Дзержинского открывается школа-десятилетка...

Но вернёмся к 1930 г. «В этом же году в коммуны были уничтожены должности воспитателей, так как коммунары уже настолько выросли и настолько выросло их самоуправление, что они уже могли в дальнейшем сами вести коммуны».

А далее в статье А.С. Макаренко следует то, чего не было ни в мировой, ни в советской практической педагогике, нет и по сей день. Внимательно читаем: «В мае 1931 года состоялась закладка новых спален и завода электроинструментов... В январе 1932 года при участии всеукраинского старосты Григория Ивановича Петровского был пущен первый в Союзе завод электросверлилок Коммуны имени Феликса Дзержинского. И какой радостью была для коммунаров первая электросверлилка! С этого дня началась организованная борьба коллектива коммунаров за освоение годовой программы в 7 тысяч электросверлилок».

Это стало средней перспективой развития коммунарского коллектива. Как утверждал Макаренко, без ближней, средней и дальней перспективы своего движения вперёд коллектив рискует стать загнивающим коллективом, что неизбежно ведёт к групповщине, к его распаду.

Новые перспективы роста коллектива (политического, нравственного, культурного и профессионального) — объективная необходимость, по Макаренко. Она у него связана с решением новых производственных задач, требующих прежде всего повышения уровня общей, профессиональной, технологической

культуры. Так случилось после налаживания работы завода электросверлилок. «Коммунары задумали производство фотоаппаратов типа «Лейка» (ФЭД). Было организовано специальное экспериментальное бюро по разработке плёночного аппарата. И только в октябре (1932 г.) были выпущены три таких аппарата. Экспертизой профессоров и специалистов фотоаппарат ФЭД признан хорошим аппаратом, не уступающим заграничному, с некоторым преимуществом в оптической части. В ноябре приступили к изготовлению технического проекта завода плёночного аппарата типа ФЭД производительностью в 30 тысяч штук в год, и уже в декабре выпущена первая в СССР серия плёночных аппаратов».

Заключение статьи А.С. Макаренко «Такова наша история»: «Имея годовой промфинплан на двух своих заводах, достигающий 20 миллионов рублей в год, коммунары производят чрезвычайно важную в общей экономике страны продукцию, одновременно готовя стране грамотные высококвалифицированные кадры». Это уже было осуществлением дальней перспективы развития коллектива коммунаров-дзержинцев.

Эксперимент мирового значения

Построить два завода и наладить сложное производство коллективной энергией и организованной волей бывших беспризорников, конечно же, под руководством и при участии профессиональных проектировщиков, конструкторов, инженеров и строительных рабочих, но при том, что вставляли к станкам и овладевали сложным оборудованием прошедшие профподготовку коммунары, — это ли не чудо! А ещё в коммуны в образцовом состоянии содержались бытовые, учебные и культурно-досуговые помещения: спальни, кухня, столовая, больница, клубный зал («тихий» клуб), библиотека, учебные кабинеты, цветники и вся территория коммуны. И всё это без воспитателей-взрослых, а на основе коммунарского самоуправления, во главе которого стоял

совет командиров, куда входили все командиры тринадцати (к 1937 г. их стало больше) разновозрастных отрядов.

Совет командиров решал все вопросы бытовой, культурной и производственной жизни коммуны. Для иллюстрации сказанного приведём извлечение из приказа № 189 от 1 октября 1932 года:

«Согласно постановлению совета командиров, коммунары Демченко переводится из литейного цеха в токарную группу — по его просьбе». И далее: «Согласно постановлению совета командиров, коммунару Синякову выносится строгий выговор за то, что уклонился от участия в тушении пожара рабочего барака 18 сентября и во время пожара продолжал чинить свой радиоаппарат»; «Согласно постановлению комиссии по расценкам, утверждённым советом командиров, объявляются новые расценки по сборному цеху завода по сборке нижнего щита:

	Норма за 4 часа	Цена в коп.
Установка шпинделя в щит	25	12
Запрессовка втулок, райберовка и засверловка	60	5
Укладка смазки и установка крышек...	50	5
Сборка комплекта промежуточных шестерён	35	10
Установка промежуточных шестерён...	50	8

На довольствии коммунаров — 333,
из них девочек — 86

Секретарь совета командиров И. Волченко.

Приводим ещё одну выдержку из протокола заседания совета командиров от того же 1 октября 1932 г.:

«Слушали: О порядке культпохода в «Березиль» 6 октября.

Постановили: Так как на культпоход ассигновано по смете коммуны 750 рублей,

а нужно 1400 рублей, ассигновать из фонда совета командиров 650 рублей.

Культпоход провести в таком порядке: до городского парка перебросить коммуну на грузовиках, от парка до театра маршем, обратный путь в таком же порядке.

Слушали: Заявление инструктора Базилевича о том, что воспитанник Яновский делает много брака на сверльном станке.

Постановили: Принимая во внимание, что в заготовительном цехе не хватает кондукторов, считать Яновского не виноватым в браке. Поручить коммунару Землянскому нажать на администрацию.

Секретарь совета командиров
И. Волченко».

В первые пять лет истории Коммуны имени Ф.Э. Дзержинского её посетили 214 делегаций, из которых две трети были делегациями из Германии, Франции, Англии, Америки, Китая, Австралии и многих других стран. Показательно впечатление от посещения коммуны французской делегацией. В её составе был выдающийся политический деятель, будущий премьер-министр Франции Эдуар Эррио. «Делегация прибыла в 12 часов дня, когда коммунары находились на работе, и была встречена дежурным. Сигнал для сбора оркестра. Через несколько минут оркестранты в рабочих комбинезонах заняли своё место. Замещающий капельмейстера коммунары поднял дирижёрскую палочку, и полились звуки из опер «Кармен», «Чио-Чио-Сан», «Риголетто». Гром аплодисментов. Эррио сказал: «Я потрясён... Я видел сегодня настоящее чудо... чудо, в которое я бы никогда не поверил, если бы не увидел его собственными глазами».

А.М. Горький, долгие годы внимательно следивший за подвижнической и новаторской деятельностью А.С. Макаренко и побудивший его к написанию «Педагогической поэмы», в одном из своих писем Антону Семёновичу дал оценку его творчеству: «Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд».

Его кредо воспитания советского человека

Раскрыть в границах одного очерка хотя бы основы педагогического опыта А.С. Макаренко — задача непосильная. Наша задача — дать лишь самое общее представление о том, что составляло его педагогическое кредо. Антон Семёнович Макаренко был и остался единственным, по нашему убеждению, великим советским педагогом-практиком и педагогом-теоретиком. Цель и метод воспитания он рассматривал с точки зрения марксистской. «Достойной нашей эпохи и нашей революции, — утверждал он, — организационной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время даёт возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность. Такая задача была бы абсолютно непосильной для педагогики, если бы не марксизм, который давно разрешил проблему личности и коллектива».

Рассматривая эту проблему в условиях социалистического общества, основанного на принципе коллективности, Макаренко писал: «В нём (в коллективе) не должно быть уединённой личности, то выпяченной в виде прыща, то размельчённой в придорожную пыль, а есть член социалистического коллектива. В Советском Союзе не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива».

И далее: «Воспитывая отдельную личность, мы должны думать о воспитании всего коллектива. На практике эти две задачи будут решаться только совместно и только в одном общем приёме. В каждый момент нашего воздействия на личность это воздействие обязательно должно быть и воздействием

на коллектив. И, наоборот, каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности, входящей в коллектив». И как заключительный аккорд: «Коллектив, который должен быть первой целью нашего воспитания, должен обладать совершенно определёнными качествами, ясно вытекающими из его социалистического характера».

Первым и важнейшим таким качеством должна быть, по Макаренко, сознательная дисциплина. Она, по его убеждению, как форма политического и нравственного благополучия должна требоваться от коллектива. Нельзя рассчитывать, что сознательная дисциплина выводится из сознания, то есть выдавливается из него, как зубная паста из тюбика, при помощи рассуждений и словесных убеждений. Дисциплина, настаивал Макаренко исходя из анализа своего опыта, определяется сознанием не может, она не есть внешнее средство воздействия и не возникает благодаря внешним мерам и приёмам, в ряду которых, как правило, на первом месте стоит парное морализирование (душещипательный разговор воспитателя с воспитуемым — tet-a-tet) либо давление страхом наказания. Дисциплина, по убеждению Макаренко, является результатом всего воспитательного процесса, а не отдельных специальных мер.

«Дисциплина есть продукт всей суммы воспитательного влияния, включая и такие, как «организация характера», и процесс столкновения, конфликтов, и разрешения конфликтов в коллективе» и т.д. Макаренко боролся в коммуне не за дисциплину торможения и запрета, достигаемую сугубо запретительными мерами по логике «чего нельзя делать». Он боролся за дисциплину борьбы и преодоления препятствий, которые, по его словам, заключены в нас, в людях (личный и групповой эгоизм, слабохарактерность, уединённая честность: лично я честен, а в остальном хоть трава не расти; неспособность идти на конфликт между «моим» и «нашим» и т.п.).

Но в то же время Антон Семёнович утверждал, что дисциплина как явление политическое и нравственное «должна сопровождаться сознанием, то есть полным пониманием того, что такое дисциплина и для чего она нужна». Им были разработаны моральные «теоремы дисциплины», которые в форме дискуссий в комсомольской организации, на собраниях коммуны, в систематических беседах самого Макаренко с коммунарками пропагандировались, становились нравственными постулатами дисциплины в коммунарском коллективе.

Представим их в самом сжатом виде. Прежде всего дисциплина является формой для наилучшего достижения цели коллектива. «Во-вторых, логика нашей дисциплины ставит каждую отдельную личность, каждого отдельного человека в более защищённое, более свободное положение». Дисциплина — это свобода. Она не даёт возможности так называемым сильным личностям подминать слабых и ломать коллективную волю. «Третий пункт морального теоретического утверждения, который должен быть предложен коллективу и всегда быть ему известен и всегда направлять его на борьбу за дисциплинированность, это такой: интересы коллектива выше интересов личности». Это должно быть там, где личность выступает против коллектива.

Небольшая история для выяснения больших вопросов

В связи со сказанным выше представим историю конфликта, возникшего между конкретной личностью (Макаренко именовал её Ивановым) и коллективом Коммуны имени Феликса Дзержинского. С ней можно познакомиться в лекции А.С. Макаренко «Дисциплина, режим, наказания и поощрения». В коммуне, как уже было сказано, не было воспитателей, вся воспитательная работа велась старшими коммунарками. Этому помогала

структура коммуны: её коллектив делился на отряды (первичные коллективы), во главе которых стояли командиры. В течение дня за всю работу коммунарского коллектива отвечал дежурный командир: за уборку всех помещений, соблюдение режима дня, приём пищи и производство. Словом, за всё, что происходило в коммуне. Дежурный командир имел самую большую власть после заведующего коммуной. Его приказы обязаны были выполняться каждым коммунаром беспрекословно. Ему нельзя было возражать и говорить с ним сидя.

Обычно роль дежурного командира по коммуне исполнял уважаемый в коллективе старший товарищ. Так было и в тот день, когда Иванов, в конце дня отдавая рапорт Антону Семёновичу, сообщил, что режим дня и план работы на производстве выполнены полностью, но в коммуне у младшего товарища Мезяка пропал радиоприёмник... Для коммуны это было чрезвычайным происшествием. Случаи воровства остались в ней в далёком прошлом, замков не было, а пропавший радиоприёмник, на который его владелец собирал заработанные деньги в течение полугода, был у всех на виду, стоял на тумбочке.

Иванов проявил большую активность: предлагал создать комиссию для поиска радиоприёмника и того, кто его украл, призывал строго наказать виновника. Опустим детали этой истории — кто и как выявил вора. Им оказался... Иванов. Комсомол исключил его и передал дело на общее собрание коммунаров. Собрание постановило: выгнать из коммуны, причём выгнать буквально — открыть дверь и спустить Иванова с лестницы. А он, по словам Макаренко, бился в истерике, каялся и был готов к любому наказанию, только бы остаться в коммуне. Врачи приводили его в чувство.

Против изгнания Иванова возражал сам Антон Семёнович, но коммунары впервые за всю жизнь коммуны лишили его слова... Тогда Макаренко всё-таки сказал им, что они не имеют права выгнать, пока не получат согласие на это шефа коммуны — НКВД. На другой день несколько известных чекистов приехали убеждать коммунаров, что Иванова надо наказать, но нельзя его выгонять.

Представим их доводы, как они изложены Макаренко:

«— Что вы хотите показать вашим постановлением? Иванов — ваш передовик, ваш активист, вы его вооружили доверием, вы ему доверили коммуну, вы подчинялись его распоряжениям беспрекословно. А теперь, когда он один раз украл, вы его выгоняете. И затем, куда он пойдёт? он пойдёт на улицу, а это значит — бандит! Неужели вы так слабы, что не можете перевоспитать Иванова?.. Вы такой сильный коллектив, вы перековали столько человек, неужели вы боитесь, что он плохо на вас повлияет? Ведь вас 456 человек! А он один».

Убийственные аргументы. Спор шёл целый вечер. Коммунары аплодировали хорошим речам чекистов. Но когда дело доходило до голосования и председатель собрания ставил вопрос: «Кто за то, чтобы выгнать Иванова?» — все как один поднимали руки. Опять слово брали чекисты. До 12 часов ночи чекисты пытались переубедить коммунаров. Но те стояли на своём: открыть дверь и спустить с лестницы Иванова — выгнать. Так и постановили единогласно в последнем голосовании.

Их аргументы были таковы:

«— Если Иванов пропадёт, — правильно. Пусть пропадает. Если бы он украл что-нибудь — одно дело. Но он был дежурным командиром, мы ему доверили коммуну, он председательствовал на общем собрании и спрашивал нас — говорите то, что знаете. Тут не воровство. Это он один нахально, цинично, нагло пошёл против всех, соблазнившись 70 рублями (столько стоил радиоприёмник), пошёл против нас... Если он пропадёт, нам не жалко его!.. И, вторых, мы с ним, конечно, справимся. Мы не боимся, но нас не это интересует. Мы потому и справимся с ним, что мы можем его выгнать. И если мы его

не выгоним и другого не выгоним, тогда наш коллектив потеряет свою силу и ни с кем не справится. Мы его выгоним, а таких, как он, у нас 70 человек, и мы с ними справимся именно потому, что мы его выгоним».

Так и выгнали. Правда, ночью Макаренко тайно, с помощью чекистов отправил Иванова в другую колонию. Через год, узнав об этом, коммунары сказали Антону Семёновичу: «Вы нарушили наше постановление».

«Этот случай, — признался Макаренко, — явился для меня толчком, после которого я долго думал, до каких пор интересы коллектива должны стоять впереди интересов отдельной личности. И сейчас я склонен думать, что предпочтение интересов коллектива должно быть доведено до конца, даже до беспощадного конца — и только в этом случае будет настоящее воспитание коллектива и отдельной личности». В пред-

почтении интересов коллектива Антон Семёнович видел нравственную красоту дисциплины.

А.С. Макаренко, анализируя свой педагогический опыт (а он оценивал его как совместный с коммунарами и определял преподавателей учебных дисциплин, мастеров и инженеров-конструкторов на производстве и заводскую администрацию, а также совет командиров коммуны и весь коммунарский коллектив как единый педагогический коллектив), пришёл к твёрдому убеждению, что основанием советской дисциплины является требование без теории, требование как нравственная норма. Коммунары выразили это своими словами:

«Человека надо не лепить, а ковать». Макаренко же вывел диалектическую формулу сознательной дисциплины и всего воспитания коллектива и личности: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему. **НО**

Genius Of Soviet Pedagogy

An essay on the development of Makarenkov pedagogy in Soviet society. Ritual respect for Makarenko's ideas in the anniversary years and the sad consequences of oblivion for school and family education.